

доктор исторических наук
Ломанов Александр Владимирович,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Китайские реформы на новом этапе преобразований

Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 22 мая 2019 г.

Два важных события, способных оказать существенное воздействие на дальнейшую траекторию реформ в Китае:

- американо-китайская торговая война
- принятые в марте 2018 г. на сессии ВСНП конституционные поправки, дающие Си Цзиньпину формальную возможность остаться на посту главы государства более двух сроков.

Зафиксированные в 2017 г. планы развития Китая на ближайшие три десятилетия:

- к 2020 г. построить «общество малой зажиточности»
- к 2035 г. осуществить «базовую социалистическую модернизацию»
- к середине столетия построить «богатую сильную демократическую цивилизованную гармоничную красивую социалистическую модернизированную державу».

Длительность перспективы ставит вопрос о защите от внешних помех нынешнего **«периода исторических возможностей»** для развития. В опубликованной в главном партийном теоретическом журнале «Цюши» статье заместитель руководителя Центра изучения развития при Госсовете КНР Ван Имин признал, что эскалация экономических споров между Китаем и США породила у некоторых людей вопросы о том, способна ли торговая война повлиять на «исторический период возможностей» Китая. Он указал, что рост напряженности в отношениях с США привнес в экономическое развитие КНР «новые переменные», которые окажут влияние на рост, внешнюю торговлю, ожидания рынка, занятость и уровень жизни людей. Однако в целом внутренние условия «исторического периода возможностей» не претерпели коренных изменений, китайская экономика продолжает устойчивый рост.

Более того, способность Китая реагировать на серьезные риски и проблемы значительно возросла. Институциональные преимущества позволяют концентрировать ресурсы для больших дел, осуществлять централизованную координацию действий, быстро мобилизовать ресурсы. Ван Имин напомнил, что эта **система мобилизации** выдержала испытание азиатского финансового кризиса и международного финансового кризиса, ее преимущества могут быть использованы для отражения новых внешних рисков. Попытки ограничить китайские закупки иностранной высокотехнологичной продукции уже стали стимулом для концентрации ресурсов ради преодоления «узких мест» в овладении ключевыми технологиями, давление извне должно превратиться во внутренний стимул для повышения международной конкурентоспособности.

Опасной стороной происходящих в Китае изменений стало **сокращение пространства для дискуссий о направлении социального и экономического развития**. Осенью 2018 г. огромный резонанс вызвал опубликованный в интернете текст финансового эксперта У Сяопина о том, что частные предприятия выполнили свою историческую миссию и настало время для их передачи в совместное государственно-частное управление.

Аргументы в пользу ограничения частного предпринимательства выглядели убедительными из-за сходства с официальной риторикой о необходимости концентрации ресурсов перед лицом внешних вызовов. На деле Китай не ставит под сомнение **легитимность существования негосударственного сектора экономики**. Сохраняет актуальность выдвинутый в период правления Си Цзиньпина призыв к «полному раскрытию роли рынка в распределении ресурсов». Тем не менее, государству пришлось оправдываться и доказывать отсутствие намерений проводить национализацию. Поскольку подобные публикации и последующие волны слухов вызывают панику, способную повредить экономической стабильности, у властей появляется дополнительная мотивация для информационных ограничений в СМИ и Интернете. А это, в свою очередь, ведет к еще большему сокращению пространства для дискуссий.

Вместе с тем было бы односторонним подходом полагать, что в Китае думают только о мобилизационных механизмах и «опоре на собственные силы». Это вынужденный выбор. Основная линия сводится к тому, что для сохранения «исторического периода возможностей» Китаю нужно **неуклонно углублять реформы**, в том числе за счет оптимизации функций властных органов и расширения роли рыночных механизмов, увеличения степени открытости внешнему миру, устранения ограничений на доступ иностранцев в сферу услуг и финансовый сектор.

Позиция известного экономиста Линь Ифу (директор Института новой структурной экономики Пекинского университета):

- Китаю необходимо продолжать реформы, страна по-прежнему обладает огромным потенциалом экономического развития,
- структуры экономик КНР и США дополняют друг друга,
- в китайско-американских торговых отношениях можно добиться «взаимного выигрыша»,
- причина американского торгового дефицита не в Китае и не в Восточной Азии, а в том что доллар является мировой валютой для накоплений, а образ жизни американских семей состоит в низком накоплении и высоком потреблении.

В худшем случае при повышении тарифов на весь объем китайского экспорта в США **вероятное снижение темпов прироста китайской экономики составляет 0,5%**, американской на 0,3%. При учете китайского потенциала роста на 8% в год, у Китая останется пространство для маневра. Без торговой войны в 2020 г. Китай сможет сохранить темп роста около 6,5%, в 2020-2030 – около 5,5%. Если будет настоящая торговая война, прирост экономики Китая уменьшится на 0,5%, тогда в 2020 г. будет 6% и в период 2020-2030 годов осуществится рост 5%.

По мнению Линь Ифу, Китай должен и впредь **выступать за свободную торговлю и за глобализацию**. Это позволит в полной мере использовать

внутренние и международные ресурсы и выгоды обоих рынков, а также «занять высокие моральные позиции» и привлечь на свою сторону зарубежных сторонников свободной экономики. Следует углубить реформы в соответствии с установленными руководящими принципами, устранить оставшиеся от постепенной двухколейной реформы перекосы, создать совершенную систему рыночной экономики, позволить рынку играть решающую роль в распределении ресурсов, должным образом использовать роль правительства.

Опасность утраты «балластного камня». Если китайско-американская торговая война будет продолжаться и расширяться на всех фронтах, то возникшие проблемы не только усугубят экономические потери обеих сторон, но и приведут к конфликтам на стратегическом уровне. Потеря экономического «балластного камня» означает утрату взаимозависимости, когда экономические издержки конфликтов приближаются к нулю, а это повышает вероятность того, что структурные противоречия между Китаем и США в области безопасности могут привести к прямой конфронтации. В условиях китайско-американской торговой войны в будущем рост китайской экономики неизбежно замедлится, планы Китая превзойти США будет трудно осуществить на практике. Усиление западного контроля над поставками наукоемкой и высокотехнологичной продукции в Китай осложнит возможности догнать США с точки зрения качества экономики (Сюй Цзянь).

Чжэн Юннэнь высказал гипотезу, что **«технологическая холодная война»** между Китаем и США уже началась, в перспективе она может привести к полномасштабной холодной войне между двумя странами.

Вероятность американского влияния на развитие реформ эксперты связывают с перспективой восстановления **«сопряженности стратегических ориентаций»** между КНР и США, которая была разрушена при Трампе. В ходе торговой войны США предъявили Китаю требование структурных реформ, оно во многом соответствует собственному направлению китайских преобразований. «Китайская сторона выступает против американского запугивания и не может проводить собственные реформы в соответствии с ритмом, скоростью и направлением, требуемыми США. Однако это не означает, что взгляды двух стран на экономические и торговые вопросы разошлись в противоположные стороны. «Игра» между Китаем и США в области экономики и торговли может оказать давление на Китай с целью продвижения внутренних экономических реформ. Если в ближайшие несколько лет реформы и открытость Китая будут еще более ускорены и расширены, разрыв между двумя странами в ориентации стратегического развития, вероятно, сократится» (Да Вэй).

В первой половине 2018 г. многие иностранные эксперты утверждали, что заметное **усиление авторитарных тенденций** в китайской политике способно вернуть страну к временам диктатуры. Желая подчеркнуть контраст между прошлым и настоящим не в пользу нынешнего лидера, авторы подобных выступлений восхваляли Дэн Сяопина за его попытку создать в 1980-е годы механизмы противодействия возрождению порядков, существовавших при Мао Цзэдуне. Наиболее распространенное объяснение сводилось к тому, что китайская элита была парализована страхом перед антикоррупционной борьбой.

Более правдоподобная версия предполагает, что внутри элиты был сформирован консенсус по поводу того, что Си Цзиньпин должен занять в системе власти более заметное место, чем его предшественник Ху Цзиньтао.

Известный идеолог неоавторитаризма Сяо Гунцинъ называет Дэн Сяопина создателем «нового авторитаризма 1.0», основанного на незыблемости власти КПК и развитии рыночной экономики. По его мнению, проблемы возникли потому, что преемники оказались слабее «архитектора реформ». В 1989 г. Дэн Сяопин при передаче власти Цзян Цзэминю мог поделиться авторитетом и наделить его статусом «ядра руководства третьего поколения». В 2002 г. повторить этот опыт при переходе власти от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао не удалось. Созданная Дэн Сяопином система не могла успешно функционировать в условиях ослабления партийной власти. По словам Сяо Гунциня, ныне Си Цзиньпин **«использует методы Мао Цзэдуна для того, чтобы делать дела Дэн Сяопина»**.

С этой точки зрения **рецентрализация** призвана компенсировать ослабление властной вертикали в прошлом десятилетии и укрепить «защитные оболочки» системы, дабы возможное расширение политического участия снизу не привело к ее краху по образцу событий второй половины 1980-х в Восточной Европе и СССР. Сопутствующая **реидеологизация** способствует восстановлению контроля над обществом, привыкшим жить в условиях рыночной экономики и открытости внешнему миру. Возвращение кампаний по идейному воспитанию чиновников и их участию в самокритике являются инструментами укрепления лояльности, но не только по отношению к Си Цзиньпину, а к системе в целом.

Для понимания отношения Си Цзиньпина к предшественникам важен тезис **«два нельзя отрицать»**, которые зафиксировал ограничения в трактовке связи эпохи реформ и дореформенного периода. Китайский лидер провозгласил, что между ними есть «внутренняя взаимосвязь», противопоставлять их друг другу их недопустимо, тем более нельзя использовать один период для того, чтобы подвергнуть критике другой. Это означает, что «левым» не нужно осуждать реформы за отказ от наследия уравнилельного социализма Мао Цзэдуна, а либералам не рекомендуется выпячивать ошибки и провалы 1950-1970-х годов. Эпоха реформ превратилась в составную часть начавшегося еще в середине XIX века длительного пути к осуществлению «китайской мечты» о национальном возрождении.

Прежде западные эксперты указывали на «атрофию» и «адаптацию» КПК (Д.Шамбо). Предположение, что партия всячески стремится сохранить себя у власти, в качестве института ее способность держать под контролем интеллектуальную, общественную, экономическую и политическую жизнь страны идет на спад.

Ныне стало ясно, что **политическая атрофия не является необратимой**, КПК быстро накачивает «атрофированные» мускулы. Американские исследователи подчеркивают, что путь институционализации коллективного руководства, по которому КПК шла после завершения правления Мао Цзэдуна, соответствовал траектории развития компартий СССР и Восточной Европы, которые сумели адаптироваться к запросам экономической и социальной модернизации, но в итоге потеряли власть и прекратили свое существование. Си

Цзиньпин, желая не допустить подобного в Китае, совершил резкий и неожиданный политический разворот, который подсказывает, что «переход от персональной власти к институционализованному коллективному руководству в авторитарных режимах является циклическим, а не эволюционным» (С. Ширк).

4 октября 2018 г. в Hudson Institute вице-президент Майк Пенс признал, что в прошлом США уповали на постепенный переход Пекина от экономической либерализации к политической, и далее ко все более широкому двустороннему партнерству -- но вместо этого Китай якобы выбрал «экономическую агрессию», которая придала решительности китайским военным.

Американский подход к будущим реформам в КНР (Э.Экономи): «Си 2.0» должен провести коррекцию, чтобы справиться с проблемами, возникшими под влиянием ужесточения политического контроля:

- в сфере экономики провести структурную реформу, отдавая предпочтение частному сектору перед государственными предприятиями и обеспечивая равные условия для транснациональных корпораций в Китае

- пересмотр подходов к инициативе «пояса и пути», включая принятие международных стандартов менеджмента, включая прозрачность и управление рисками, а также экологические и трудовые нормы

- во внешней деятельности сокращение использования правительством китайских граждан за рубежом в качестве инструментов достижения своих политических и экономических целей,

- отступление от «политики принуждения» в отношении Гонконга и Тайваня

- резкое сокращение «репрессивной политики» в Синьцзяне и Тибете.

В перспективе возможно формирование «замкнутого круга» во взаимном восприятии между США и Китаем (разочарование – давление – встречный ответ – углубление разочарования и отчуждения). С этим фактором связаны проблема управляемого выбора между «хорошей конкуренцией» и «плохой конкуренцией», а также проблема устойчивого поддержания состояния «борьбы без разрушения» в китайско-американских отношениях.

Известный политолог Юй Кэпин признал, что западные эксперты и китайский мейнстрим занимают противоположные позиции при оценке политических преобразований в КНР. Западные исследователи применяют три основных критерия:

1. однопартийная политика или многопартийная состязательность,
2. избрание высшего государственного руководителя в ходе прямых выборов,
3. независимость и разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

С этой точки зрения в китайской политике за годы реформ действительно ничего не поменялось. Партийные лидеры от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина неизменно подчеркивают, что не станут копировать «западную модель» и продолжат движение по пути социализма с китайской спецификой, синонимичного однопартийной власти КПК.

Политическая реформа в Китае не затрагивает основы политической системы (*чжэнчжи тичжи*), ее главной сферой выступает содержание

государственного управления (*гоцзя чжили*). «Поэтому если смотреть с точки зрения отношений центра и мест, государства и общества, правительства и рынка, а также правления на основании закона, общественных услуг, гражданского участия, демократического принятия решений, социального управления, подотчетности правительства, политической прозрачности, низового самоуправления – после начала реформ и открытости политическая жизнь Китая отчетливым образом претерпела огромные изменения, особенно большой прогресс был достигнут в продвижении модернизации государственного управления». Постоянные усилия по реформированию государственного управления повышают адаптивность китайской системы.

При осуществлении реформ «нет учебника, которому можно было бы поклоняться как золотому разделу и яшмовому параграфу (*т.е. незыблемому закону*), также нет учителя, который мог бы высокомерно наставлять китайский народ» (из речи Си Цзиньпина по поводу 40-летия реформ 18 декабря 2018 г.). Китайские реформы сохраняют дух поиска нового. Одновременно возросла настороженность по отношению к внешним советам и поучениям, что снижает возможность позитивного влияния на направление преобразований.

- Осложнение китайско-американских отношений окажет существенное воздействие на политику реформ.
- Хотя борьба с коррупцией сохраняет свое значение как фактор укрепления авторитета Си Цзиньпина, на первое место выходит задача общественной консолидации перед лицом внешнего вызова и производных экономических трудностей.
- Изменение международных условий проведения китайских реформ придало «новой эпохе Си Цзиньпина» мобилизационный характер в сфере освоения новых технологий и обеспечения импортонезависимости по ключевым видам продукции.
- Опасения панических реакций, связанных с неуверенностью общества и деловых кругов в перспективах развития страны из-за спора с Вашингтоном, толкают власть к дальнейшему укреплению контроля с помощью инструментов рецентрализации и реидеологизации.